

Ядова Майя Андреевна
Институт научной информации по общественным наукам РАН,
Москва, Российская Федерация
m.yadova@mail.ru

Модернизационный потенциал российской молодежи (опыт социологического исследования)

Аннотация. В статье анализируются результаты биографических интервью с представителями постсоветской молодежи. Полученные данные основываются на результатах индивидуальных глубинных интервью с информантами, демонстрирующими модернистские и традиционалистские поведенческие установки. В центре внимания автора – модернизационный потенциал российской молодежи и факторы, влияющие на выбор молодыми людьми современных или традиционных стратегий поведения. Также рассматриваются образовательные и профессиональные стратегии российской молодежи в условиях социальных трансформаций. Среди других тем интервью – присоединение Крыма к России в 2014 г. Как показало исследование, большинство «модернистов» и «традиционалистов» одобряют вхождение Крыма и Севастополя в состав РФ, однако эта поддержка является скорее символической, чем реальной. В целом, настоящее исследование продемонстрировало, что в будущем при благоприятных внешних условиях постсоветская молодежь может стать движущей силой, способной к реальному изменению и обновлению российского общества.

Ключевые слова: модернизационный потенциал; российская молодежь; постсоветское поколение; современные и традиционные поведенческие установки

Yadova Maiya Andreevna
Institute of Scientific Information on Social Sciences,
Moscow, Russian Federation
m.yadova@mail.ru

The modernization potential of the russian youth (the sociological research experience)

Abstract. The article analyzes the results of individual in-depth interviews with representatives of the post-Soviet generation. The data is based on individual interviews with the respondents with modern and traditional behavioral attitudes. The paper considers the modernization potential of the Russian youth and main factors influencing the young people's choice of modern or traditional ways of behavior. The paper also considers educational and professional strategies of young Russians in conditions of social transformations. Among other topics of the conversation is the incorporation of Crimea into Russian Federation in 2014. As the study has shown, most «modernists» and «traditionalists» approve of the entry of Crimea and Sevastopol into the Russian Federation. However, this support is symbolic rather than real. In general, our findings showed that in the future, under favorable external environment, the Post-Soviet young people can become a driving force for changes and modernization of Russian society.

Keywords: modernization potential; Russian youth; post-Soviet generation; modern and traditional behavioral attitudes

Некоторые исследователи считают, что для России характерно, зачастую в имплицитной форме, одновременное протекание модернизационных и демодернизационных процессов [Ханин, 2010; Королев, 2009а; Королев, 2009b]. Так, А. Б. Гофман метафорично замечает, что наряду с российской традицией, «воплощенной в известной триединой формуле "православие, самодержавие, народность"», существует «традиция борьбы с этой традицией, причем в самых разнообразных формах» [Традиции и инновации..., 2008: 42].

Для нашей страны путь догоняющей модернизации не представляется эффективным, однако это не говорит о несостоятельности идеи модернизации в целом. В процессе модернизации российского социума ключевая роль отведена молодежи, чьи взгляды и поведение сформировались под влиянием постсоветских трансформаций. Известно высказывание французской писательницы Жермены де Сталь о том, что в каждой стране молодое поколение – всегда иностранцы. Представители интересующей нас когорты молодежи – россияне, родившиеся в начале 1990-х годов, – иностранцы вдвойне. Во-первых, это пока первое взрослое поколение, не имеющее опыта советской жизни и выросшее в «новой России». Во-вторых, сегодняшняя молодежь, не являясь однородной общностью, сильно внутренне дифференцирована, прежде всего это связано с разными социальными условиями взросления.

Исследование, о котором идет речь в настоящей работе, содержало элементы лонгитюда и осуществлялось на протяжении нескольких лет. На первом этапе, в конце 2008 – начале 2009 гг., под руководством автора было проведено социологическое исследование, посвященное проблеме соотношения «современного» и «традиционного» в ценностях постсоветской молодежи. За основу «современного» типа поведения был принят тип действий, соответствующий основным характеристикам разработанной американским социологом А. Инкелесом аналитической модели «современной личности»: активная гражданская позиция, развитое чувство социальной ответственности, независимость суждений, открытость всему новому, терпимость к чужому мнению и уважительное отношение к законам [Inkeles, Smith, 1974: 289–302]. Мы предположили, что слаборесурсная часть молодежи скорее всего аккумулирует традиционалистские взгляды, сильноресурсная – модернистские.

В качестве эмпирического объекта исследования выступили представители контрастных групп молодежи постперестроечного периода (15–18 лет), обладающие разными социальными ресурсами, прежде всего образовательными и социостатусными. При формировании выборки мы исходили из предположения, что важнейшим фактором, влияющим на меру и глубину «модерности» человека, является уровень его образования, с чем более или менее жестко связан характер профессии и, следовательно, социальный статус [ibid.: 304]. Всего было опрошено 1 600 учащихся

10–11 классов общеобразовательных школ и колледжей г. Москвы (по 800 чел. в каждой подвыборке). Результаты опроса позволили выделить из общего числа респондентов «модернистов» и «традиционалистов».

На следующем этапе, в 2010–2011 гг., с «модернистами» и «традиционалистами» – с некоторыми повторно – проводились индивидуальные полужформализованные глубинные интервью биографического характера по авторской методике (N = 24 + 24; группы выравнены по объему социального капитала и полу респондентов; возраст опрошенных – 17–19 лет). Для удобства вопросы в гайде интервью были распределены по нескольким тематическим блокам, посвященным детским и школьным годам респондентов, их взаимоотношениям с родственниками и друзьями, восприятию ими тех или иных политических событий, происходивших в нашей стране и т.д. За время, прошедшее с момента опроса, в жизни респондентов произошло много изменений: школьники окончили школу, учащиеся колледжей перешли на старшие курсы, кто-то обзавелся семьей, несколько девушек стали мамами. Все представители сильноресурсной группы, с которыми мы беседовали, поступили в ВУЗы.

На третьем этапе, в феврале-апреле 2014 г., были проведены дополнительные полужформализованные биографические интервью, прежде всего нацеленные на выяснение изменений, произошедших в жизни респондентов за прошедшие годы. В последней «волне» участие приняли 22 «модерниста» и 21 «традиционалист» (из первой подвыборки выбыли юноша и девушка, из второй – трое юношей). На тот момент возраст опрошенных уже составил от 20 до 23 лет. Участников исследования спрашивали о наиболее важных событиях, произошедших с ними за последние три года, а также просили оценить, улучшилась или ухудшилась их жизнь за это время, удалось ли им реализовать задуманное. Кроме того, в гайд интервью был включен вопрос о дальнейших жизненных планах информантов. Поскольку интервью состоялись в самый разгар известных «крымских событий», мы также посчитали нужным узнать мнение информантов об этой решающей для будущего нашей страны ситуации.

Автором была разработана методика, в которую в числе прочих входили проективные вопросы, позволяющие выявить поведенческие установки респондентов в повседневных жизненных ситуациях. Большинство ситуаций имело отношение к предложенной Инкелесом модели «современной личности»: поведенческие выборы соответствовали современному или традиционному типу поведения, в отдельных случаях являлись нейтральными.

Факторная структура поведенческих установок молодежи

В результате факторизации «поведенческих» переменных выделилось четыре фактора, так или иначе имеющих отношение к модели «современной личности»: т.н.

факторы участия, амбициозности, законопослушности и свободы [подробнее см.: Ядова, 2012].

Фактор, условно обозначенный как фактор участия (информативность – 17 %), состоял из суждений, связанных с проявлением социальной ответственности и активной жизненной позиции. В обеих группах значительное число респондентов разделяют составляющие этого фактора (41 % школьников и 30 % студентов училищ), хотя треть старшеклассников и их ровесников из колледжей не поддерживают нормы взаимопомощи (соответственно – 30 % и 37 %)*⁴⁷.

Фактор амбициозности (информативность – 17 %) включил поведенческие намерения, соответствующие ценностям самореализации и профессионализма. Согласно полученным данным, суждения этого фактора выбирают, как правило, школьники (48 % vs 19 % учащихся колледжей), а отвергает, напротив, молодежь с меньшим образовательным ресурсом (42 % vs 25 % старшеклассников)*.

Что до суждений фактора законопослушности (информативность – 15 %), то среди школьников высокие значения по поведенческому фактору законопослушности получили 41,4 %, а в группе учащихся колледжей – всего лишь 25,8 % респондентов. Количество не выбравших суждения данного фактора в подвыборках старшеклассников и студентов училищ примерно одинаково – около трети (31,2 % и 36 % соответственно)*.

Респонденты, остановившие свой выбор на поведенческих интенциях фактора свободы (информативность – 11 %), не боятся послушаться родителей или учителей и отличаются высоким уровнем протестной активности. Молодежь с большим образовательным капиталом демонстрирует более сильные поведенческие ориентации на свободу, чем юноши и девушки из училищ (соответственно: 40 % и 27 %), отвергают же составляющие данного фактора чаще всего представители слаборесурсной группы (ср.: 39 % и 28 %)*.

Несмотря на то, что в сознании большинства опрошенных сочетаются модернистские и традиционалистские поведенческие установки, из общего числа респондентов мы выделили две полярные группы: «модернистов» и «традиционалистов»⁴⁸. Итак, среди старшеклассников 23 % опрошенных демонстрируют модернистские поведенческие намерения и лишь 7 % – традиционалистские. В группе студентов колледжей «модернистов» совсем немного – 5 %, а «традиционалистов» уже 15 %*. Большинство же респондентов в обеих группах выбирает смешанный тип поведенческих намерений. Таким образом, гипотеза о существовании связи между модернизмом индивида и его «ресурсоемкостью» получила подтверждение.

⁴⁷ *Здесь и далее различия статистически значимы на уровне $\leq 0,001$.

⁴⁸ К «модернистам» были отнесены респонденты, получившие наиболее высокие значения как минимум по 3-м из 4-х факторов, «традиционалистами» считались те, кто набрал наиболее низкие значения хотя бы в 3-х из 4-х случаях.

Влияние близкого окружения

Как уже говорилось, на разных этапах исследования с частью респондентов, отнесенных по результатам анкетирования к «модернистам» и «традиционалистам», были проведены индивидуальные полужформализованные глубинные интервью биографического характера.

Участников интервью спрашивали о людях, являющихся для них примером. Было обнаружено, что в ближайшем окружении «модернистов» есть носители современных взглядов, в то время как «значимые Другие» «традиционалистов» придерживаются традиционных принципов. «Модернисты» часто говорили о людях самостоятельных, социально активных, из разряда «сделавших себя», нестандартно мыслящих, много знающих и умеющих. Уважение «традиционалистов» вызывают, как правило, те, кто наделен чертами авторитарной личности. Некоторые «модернисты» и «традиционалисты» отметили, что конкретного человека в качестве примера назвать не могут: они стараются обходиться без кумиров.

Школьные годы

В ходе интервью респондентов спрашивали также об их школьных годах, взаимоотношениях с одноклассниками и учителями. Примечательно, что, говоря о конфликтах, с которыми им пришлось столкнуться в школе, многие «модернисты» вспоминали столкновения с учителями, тогда как «традиционалисты» чаще рассказывали о стычках с одноклассниками. Причем анализ «модернистских» конфликтных ситуаций обнаруживает их нестандартность: это не классические случаи проявления неадекватности в учебе и хулиганства. Зачастую причина конфликтов с учителями кроется в стремлении «модернистов» к независимости, т.е. в самом *модернизме* (!) опрошенных.

- У меня были стычки с моим завучем. Просто у нас была форма, а я не хотела ходить в форме.

Студентка колледжа. 18 лет (М)

Интерес к политике

Согласно концепции Инкелеса, современной личности свойственен интерес к жизни общества, в том числе и к политической. Человек же традиционный, не веря в возможность простых людей повлиять на общественные события, более ориентирован на проблемы личного характера, т.е. подвержен «астеническому синдрому», по терминологии Ю. Левады. Результаты нашего исследования в целом подтвердили этот факт: в семьях «модернистов» принято интересоваться тем, что происходит в стране и за рубежом, обсуждать политические новости, в семьях «традиционалистов» такая практика распространена в меньшей степени. Первоначально мы собирались выяснить, существует ли какая-либо связь между модернистскими или традиционалистскими аттитюдами респондентов и политическими пристрастиями их родителей. Однако при апробации методики оказалось, что вопрос о политических взглядах родителей многие

юноши и девушки воспринимают как «опасный» и дают на него уклончивые ответы. Поэтому пришлось изменить формулировку вопроса, сделав его менее личным: респондентов стали спрашивать о том, принято ли в их семье обсуждать политические события, происходящие в России и за рубежом.

Девяностые и нулевые глазами молодежи

Трудно не согласиться с В. В. Семеновой, считающей крайне интересным в биографическом исследовании анализ коллективного опыта «проживания» определенной социальной ситуации» [Ядов (в сопр. с Семеновой), 2001: 402]. По её мнению, сравнительный анализ аналогичных случаев дает пищу «для описания социальной проблемы, которая вырисовывается за сходными обстоятельствами и действиями, за общей социальной практикой людей» (там же). Часть вопросов была посвящена восприятию респондентами политических событий, современниками которых в той или иной мере они были. Стоит отметить, что если 90-е годы юноши и девушки знают прежде всего из рассказов родителей и учителей, то «эпоха нулевых» для них – время собственных осознанных воспоминаний.

Ну, я был совсем маленький и не чувствовал этого всего. Знаю, что в стране был бардак, и родители часто рассказывают, что в тот момент, когда у некоторых не было еды, кто-то барыжил на чужом горе.

Студент ВУЗа, 18 лет (М)

Участники интервью оказались сильнейшим образом внутренне дистанцированы от последнего десятилетия XX века – об этом можно судить по тому, с какой неуверенностью и / или шаблонностью они перечисляют основные политические события тех времен. Распад СССР, октябрьский путч 93-го, чеченская война, дефолт 98-го – малоизвестные информантам события. Говоря о реалиях 90-х, многие путались в словах, например, один студент колледжа не мог припомнить значения слова «рэкетир».

Тем не менее, большинство «модернистов» и «традиционалистов» оценивают 90-е годы как негативные для нашей страны. Основная причина общеизвестна – экономическая нестабильность, породившая голод, разруху, рост преступности. Что касается демократических завоеваний, то отношение к ним участников интервью довольно настороженное. Даже «модернисты» полагают, что дарованные стране свободы принесли много вреда.

Негативные, развал экономики, бурный рост преступности. Нищета, всем приходилось вертеться, кто как мог.

Студент ВУЗа, 17 лет (М)

Общая оценка 2000-х годов в целом более позитивна. Многие «модернисты» и «традиционалисты» убеждены, что этот период принес россиянам социальную стабильность, материальный достаток, доступные блага в виде Интернета, путешествий за границу и др. Конечно, как говорили в Советском Союзе,

присутствуют «отдельные недостатки», но они ничто по сравнению с тем хаосом, который царил в годы правления Ельцина.

В принципе, меня все устраивает в нашей стране, ничего негативного нет.

Студент ВУЗа, 17 лет (М)

В то же время некоторые участники интервью – с современными и традиционными взглядами – давали негативную оценку и «нулевым», отмечая прежде всего нравственное разложение общество и экономический кризис.

О «Крымском кризисе-2014»

Спрашивали информантов и о событиях *Крымского кризиса-2014*, свидетелями которых им довелось стать [подробнее см.: Ядова, 2016]. В целом, полученные данные совпали с результатами массовых опросов. Абсолютное большинство участников интервью, независимо от приверженности модернистским или традиционалистским взглядам, поддерживают политику России в Крымском конфликте, правда, с небольшими оговорками. Прежде всего респондентов беспокоило возможное ухудшение отношений РФ с «остальным миром». Отмечено изменение оценок по мере поступления информации: если опрошенные в феврале-начале марта 2014 г. были убеждены в наличии мощного фашистского лобби на Украине, то респонденты, интервьюируемые позже, как правило, не выражали подобной уверенности, чаще говоря о выгодности для России присоединения Крыма. Таким образом, большая осведомленность участников интервью о событиях в Крыму дала толчок к мировоззренческому сдвигу в их сознании и постепенной смене патриотической риторики на прагматическую. Серьезного страха перед возможными санкциями со стороны стран Запада у большинства респондентов также не было, а уж перспектива Третьей мировой войны в виде «расплаты» за Крым не казалась реальной никому.

Для части респондентов присоединение Крыма – своего рода демонстрация военной мощи России, способ показать странам Запада, что Россия в состоянии предложить «братским народам» более привлекательный вариант существования, нежели США и страны ЕС. В то же время даже наиболее возмущенные действиями украинской власти респонденты не хотят защищать *Русский мир* с оружием в руках.

Тем не менее, пятеро «модернистов» не одобрили *Русскую весну*, считая, что, по выражению одной респондентки, «русских на Украине спасать было не от кого». Многие из них обосновывали свое мнение впечатлениями от общения с украинскими родственниками или друзьями. Этих информантов объединяет достаточно прохладное отношение к «эпохе нулевых», которую они во многом считают годами упущенных возможностей. Впрочем, с политической ангажированностью подобное несогласие связывать не стоит: например, присоединение Крыма горячо одобрили даже те, кто в прошлом отрицательно отзывался о политике 2000-х и, по собственному признанию, был активным участником оппозиционных митингов 2011–2012 гг.

Образовательные и трудовые стратегии «модернистов» и «традиционалистов»

Наш опыт изучения биографий молодых россиян с модернистскими и традиционалистскими поведенческими установками показал различия в выборе ими карьерных траекторий. Для амбициозных «модернистов» характерно нежелание ограничиваться одним образованием: завершающие высшее образование планируют поступать в аспирантуру, получить второе высшее или продолжить последипломное образование за рубежом; выпускники колледжей стали студентами ВУЗов; некоторые открыли свое дело и т.п. В целом, «модернисты» рассматривают образование как своеобразное вложение в будущее, у них есть более или менее четкий план развития собственной карьеры. С «традиционалистами» ситуация иная: даже получая достойное образование, они с трудом представляют, что им это может дать в дальнейшем.

Сравнивая ожидания респондентов с наличествующей реальностью, нельзя не заметить, что в наибольшей степени планы с реальностью расходятся у «традиционалистов», прежде всего из сильноресурсной страты. Чуть менее половины сильноресурсных «традиционалистов» бросили ВУЗы, в которых учились. Наиболее распространенной причиной этого стало тяжелое финансовое положение семьи и невозможность платить за учебу. Впрочем, по словам многих респондентов, случившееся не стало для них трагедией: они уверены, что и «без вышки можно прекрасно прожить».

Большинство слаборесурсных «традиционалистов», учившихся в колледжах, к моменту последнего интервью свое обучение завершили, однако по специальности пошли работать единицы, как правило, обладатели «денежных» профессий – работники автосервиса, слесари; некоторые юноши устроились охранниками, курьерами. Девушки, как правило, работают продавцами-консультантами, секретарями, промоутерами, операторами «на телефоне». Впрочем, по признанию многих участников интервью, работать по специальности в их планы не входило изначально.

В целом, «традиционалистов» – как сильно-, так и слаборесурсных – отличает готовность работать, не используя свое образование в должной мере. В группе «модернистов» значительного расхождения между желаемым и осуществившимся замечено не было. Напротив, планы большинства реализовались: учащиеся колледжей, мечтавшие о высшем образовании, поступили в ВУЗы, прежние студенты-первокурсники работают над дипломными проектами и т.д. Для нескольких «модернистов» ключевым вариантом развития карьеры стало открытие собственного дела. Впрочем, ни один из них не признал свой бизнес-опыт удачным.

Еще одна особенность, отличающая «модернистов» от «традиционалистов», – более внимательное и уважительное отношение первых к труду вообще и к своему делу в частности. Несмотря на то, что они так же, как и «традиционалисты», стремятся к высокому заработку, для них большую важность представляет содержание выполняемой работы. Тогда как для «традиционалистов» важны преимущественно зарплата и несложность выполняемой работы.

К сожалению, часть «традиционалистов» можно отнести к прекариату [Standing, 2011]: многие из них пытаются компенсировать свою профессиональную несостоятельность доходами от сдачи квартир, полученных в наследство. Очевидно, что у выбравших подобную «трудовую» стратегию отсутствует стимул найти стабильную работу.

Выводы

Проведенное исследование позволило выделить общее и особенное в индивидуальных биографиях и взглядах «модернистов» и «традиционалистов» постсоветского поколения. В целом, результаты исследования показали прямую связь между «модернизмом» индивида и объемом его социальных ресурсов: в группе сильноресурсной молодежи «модернистом» является почти каждый четвертый, в то же время в «слаборесурсной» подвыборке таковых лишь 5 %. Вместе с тем в низкоресурсных группах (по сравнению с высокоресурсными) доля «традиционалистов» существенно выше (15 % vs 7 %). Большинство же респондентов в обеих группах выбирает смешанный тип поведенческих намерений. Это дает надежду предположить, что постсоветская молодежь обладает определенным модернизационным потенциалом и при благоприятных социальных условиях может стать той движущей силой, которая будет способствовать реальному обновлению российского общества.

Библиографический список

Королев С. А. Модернизация и демодернизация в российской истории. Ч. 1 // *Философия и культура*. 2009а. № 1 (13). С. 72–80.

Королев С. А. Модернизация и демодернизация в российской истории. Ч. 2 // *Философия и культура*. 2009б. № 2 (14). С. 37–45.

Традиции и инновации в современной России. Социологический анализ взаимодействия и динамики / Под ред. А. Б. Гофмана. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. 543 с.

Ханин Г. И. Только ли демодернизация происходила в России в последние 20 лет? // *Экономика и организация промышленного производства*. 2010. № 8. С. 118–133.

Ядов В. А. (в сопр. С В. В. Семеновой) *Стратегия социологического исследования. Описание, объяснение, понимание социальной реальности*. М.: «Добросвет», 2001.

Ядова М. А. Крымский кризис-2014 глазами молодежи постсоветского поколения. – *Социологические исследования*. 2016. № 9. С. 50–58.

Ядова М. А. Современное и традиционное в ценностях постсоветской молодежи. – *Социологические исследования*. 2012. № 1. С. 114–125.

Inkeles A., Smith D. H. *Becoming modern*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1974.

Standing G. *The Precariat: The new dangerous class*. London; New York: Bloomsbury, 2011.